

II

«В НАРОД!»

Плеханов появился в Санкт-Петербурге в 1873 году, в момент, когда революционное народничество переросло в самое значительное после восстания Декабристов в 1825 году сопротивление существующей в России системе. Находившийся в Англии Герцен, уже разочарованный в царе Александре II, в 1861 году призывал студентов со страниц газеты «Колокол»: «В народ!.. Там ваше место... Докажите... что из вас выйдут не чиновники, но солдаты народа российского». Не услышанный тогда призыв Герцена получил отклик более десяти лет спустя, когда события шестидесятых годов уже выявили слабости Александровского режима, которые он обличал.

Арест и тюремное заключение группы либералов, осмелившихся высказаться за создание такого правительства, которое будет прислушиваться к нуждам народа; заключение Чернышевского и его собрата по литературной критике Дмитрия Ивановича Писарева — все это продемонстрировало обществу нежелание правительства решать вопросы о расширении политических и гражданских свобод. Некоторые послабления в печати, установленные в начале 1860-х годов, последовательно урезались; а политика министра просвещения графа Д. А. Толстого, назначенного в 1866 году, вызвала ненависть прогрессивных элементов общества, включая студентов и профессионалов. Результаты социологических обследований подтверждали, что два неурожайных года в конце десятилетия, вызвавших голод и свидетельствовавших о бедственном положении крестьян при новом режиме, способствовали развитию сочувственного отношения к массе русского народа среди определенной части образованных слоев общества.

В конце шестидесятых — начале семидесятых годов народничество¹ получило серьезное обоснование в творчестве революционных публицистов Петра Лавровича Лаврова и Михаила Александровича Бакунина. Они говорили о приближающемся восстании крестьян против существующего общественно-политического строя, которое будет готовиться интеллигенцией. Следуя традиции Герцена и Чернышев-

ского, оба рассматривали крестьянскую общину в качестве зародыша того сельского социалистического строя, который они предлагали создать. Очертания нового общества, каким оно им представлялось, были в высшей степени неопределенными, ибо — что вполне характерно — их более интересовало разрушение, нежели созидание. Оба имели ярко выраженные анархистские убеждения² и, вследствие этого, считали свое движение социал-революционным, имеющим целью не завоевание политических прав в рамках государства, не реформирование государства и даже не завоевание и использование его для воплощения своих социальных программ. Они желали раз и навсегда покончить с государством, которое, по их мнению, само по себе представляло орудие принуждения³.

Господство анархистского идеала в народничестве нуждается в объяснении. Можно было ожидать, что революционные движения в стране, стонущей под игом абсолютизма, будут направлены на обретение политической свободы и создание конституционного правительства. Такова, по крайней мере, была предшествующая модель в странах Западной Европы. В связи с отставанием развития России радикальные движения имели другую окраску. С середины девятнадцатого века те русские, которые, как Герцен, имели возможность наблюдать жизнь Западной Европы, были убеждены в том, что либеральные революции лишь заменяют одну тиранию другой. Абсолютизм был заменен господством буржуазии, а подавляющее большинство населения оставалось угнетенным. В глазах шедших за Герценом русских радикалов — а они преобладали в семидесятых годах — конституционное правительство и политическая свобода были только обманом, предназначенным для маскировки политического господства эксплуататоров народа. Не понимая важности власти закона и возможностей демократизации, имевших тогда еще узкую базу политических систем стран Запада, они склонны были отвергать либеральную политическую философию в целом. Русских, считали они, этим не заманишь; они не станут бороться за свержение царизма только для того, чтобы дать народу новую клику господ. Напротив, централизованная государственная ор-

² Автор отождествляет теоретические взгляды Лаврова и Бакунина. Лавров, признавая государство институтом принуждения, в работе «Государственный элемент в будущем обществе» (1876) ставит вопрос о постепенном отмирании государства при социализме, что является следствием «современного процесса экономической жизни». — Прим. ред.

ганизация, неразрывно связанная с угнетением, должна быть разрушена; народ может быть свободен только в том случае, если власть будет рассеяна по множеству общинных организаций, составляющих единую политическую систему.

Лавров и Бакунин имели много общего в основах мировоззрения и поставленных задачах, но средства они предлагали различные. Бакунин считал крестьян революционерами по природе, постоянно готовыми к взрыву, и, работая среди них, интеллигенция способна мгновенно вызвать восстание, произнеся несколько зажигательных слов. Лавров, соглашаясь с тем, что крестьяне представляют собой хороший революционный материал, питал меньше надежд на возможность легко увлечь их к бунту. Поэтому, не призывая, подобно Бакунину, к непосредственной агитации, он отстаивал необходимость подготовительного периода для пропаганды среди крестьянства, чтобы обеспечить и укрепить поддержку анархо-социалистической революции с их стороны. Третьим революционным стратегом, чьим идеям суждено было войти в моду несколько лет спустя, был Петр Никитич Ткачев. В отличие от Лаврова и Бакунина, Ткачев не очень полагался на революционные наклонности крестьян и потому возлагал обязанности по подготовке революции исключительно на интеллигенцию. Она должна составить заговор для захвата государственной власти, а затем использовать ее для поддержки социальной революции. Другими словами, Ткачев не разделял анархистских убеждений Лаврова и Бакунина, и видел в государстве положительное орудие создания нового общественно-политического строя.

В начале 1870-х годов тайно создавались кружки интеллигентов, «чайковцев», называемых так по фамилии одного из руководителей, Н. В. Чайковского, ориентировавшихся, главным образом, на идеи Лаврова, а не Бакунина. Одновременно, и довольно успешно, велась революционная пропаганда среди сотен русских студентов в университетах Швейцарии. Задача этих движений состояла в создании среди интеллигенции группы пропагандистов для распространения нового евангелия в крестьянской среде. Эти параллельные движения, а точнее, две ветви одного движения, объединились в 1874 году, когда российское правительство, прослышав о революционной пропаганде среди русских студентов за границей, приказало всем возвратиться домой³. Летом 1874 года состоялось первое необычное «хождение в народ», когда сотни молодых людей из высших и средних классов общества, словно по наитию, оставили университетские аудитории и

службу, дома и семьи, надели крестьянское платье и отправились в деревню, чтобы убедить крестьян участвовать в создании рая на земле. Часто этих апостолов нового евангелия ожидало жестокое разочарование, ибо они не умели общаться с крестьянами, относившихся к пришельцам весьма подозрительно, а то просто враждебно. Нередко юным энтузиастам отказывали в ночлеге, а иногда негостеприимные крестьяне уведомляли полицию и, таким образом, обеспечивали своим доброжелателям пребывание под кровом местной тюрьмы.

С 1874 по 1876 год нечто подобное происходило на всей обширной территории России. Повсюду крестьяне оказывались глухи к социалистической пропаганде народников, но явно загорались идеей раздела дворянских земель. Повсюду десятки, сотни верных народников арестовывали и сажали в тюрьмы: только за два месяца 1874 года было арестовано 770 человек. Обескураженные «ходоки» покидали ряды борцов; наиболее стойкие из тех, кому удалось избежать тюрьмы, вместе с новичками, хлынувшими в движение, в 1876 году начали новую работу, на этот раз в соответствии с тактикой, предписываемой Бакуниным. Новое направление включало в себя создание гораздо более серьезно законспирированной и сплоченной организации и замену социалистической пропаганды среди крестьянства агитацией за немедленные восстания, которые должны были завершиться массовой революцией под лозунгом «Земли и Воли». «Земля и Воля» — эти магические слова должны были поднять крестьян на борьбу; они же дали название новой организации. На этой стадии общественного развития России жизнь Плеханова слилась с историей ее революционного движения.

В Петербурге в 1873 году и в течение ряда последующих лет, когда революционный пыл охватил массу образованной молодежи, студент, воспитанный на принципах справедливости, альтруизма и ответственности перед народом, естественно оказывался втянутым в водоворот революции. Удивительно лишь, что Плеханов так долго оставался в стороне, ибо он присоединился к революционному делу только в конце 1875 года. Если бы Плеханов был пылким революционером летом 1874 года, он, несомненно, участвовал бы в крестовом походе «в народ», а не готовился в Гудаловке к вступительным экзаменам в Горный Институт. На первом курсе института успехи Плеханова были столь значительны, что ему назначили стипендию на следующий год⁴, что явно доказывает его увлеченность учебой. Но и в этом случае он, безусловно, был знаком с революционной литературой, хотя еще не

был захвачен движением юных идеалистов. Он еще не мог принять их символ веры (как его впоследствии сформулировал один из них, Павел Борисович Аксельрод):

«Кто хочет работать для народа, тот должен покинуть университет, оставить свое привилегированное положение, свою семью и вернуться спиной даже к науке и искусствам. Должны быть порваны все узы, связывающие его с высшим обществом; должно сжечь за собой все корабли, словом, добровольно отрезать себе всякий путь к отступлению. Пропагандист должен, так сказать, все свое внутреннее существо преобразовать, чтобы чувствовать себя заодно с самыми низшими слоями народа, и не только идейно, но и в повседневной жизни»⁵.

Аксельрод, ставший затем ближайшим соратником Плеханова, происходил из совершенно иной среды. Он родился в 1850 году в местечке Почепе Черниговской губернии на Украине, в обедневшей мелкобуржуазной еврейской семье, страдал в детстве от нужды и дискриминации⁶. С помощью зажиточных членов общины ему удалось закончить гимназический курс в государственной школе. Знакомство с произведениями Белинского, а затем Лассаля, развило в нем крайний идеализм и возвышенные представления о предназначении человека, вследствие чего он решил посвятить жизнь освобождению бедных и угнетенных в России. В начале 1870-х годов П. Б. Аксельрод присоединился к движению народников и начал пропагандистскую деятельность среди студентов Киевского университета⁷. К 1874 году он отошел от лавризма, увлекшись бакунизмом. Вынужденный покинуть Россию во избежание ареста, Аксельрод большей частью жил в Швейцарии, занимаясь, вместе с другими русскими последователями Бакунина, издательской деятельностью.

Аксельрод познакомился с Плехановым зимой 1875—1876 года, когда тот принял возвратившегося из эмиграции революционера в своей петербургской квартире. Поскольку укрывательство человека, разыскиваемого полицией, к тому же совершенно ему неизвестного, сопряжено с определенным риском, можно с уверенностью предположить, что Плехановым владело не только отдаленное сочувствие к революционному делу. Однако, с точки зрения Аксельрода, тот факт, что

⁵ По словам одного из его последующих соратников — Ф. Дана: «Для последующих поколений социал-демократов он стал хранителем лучших нравственных традиций революционного движения» (Дан Ф. И. Происхождение большевизма. Нью-Йорк, 1946, С. 192).

Плеханов продолжал учебу в Горном Институте, ставил его вне движения. Привлеченный умом и самодисциплиной Плеханова, он пытался убедить его оставить занятия.

По словам О. В. Аптекмана, впоследствии товарища Плеханова, сильное впечатление на Георгия произвела «необычайная преданность Аксельрода революции», хотя не влияние Аксельрода определило окончательный выбор Плеханова между учебой в институте и участием в революционном движении. До встречи с Аксельродом Плеханов уже бывал на тайных собраниях революционных студентов, интеллигенции и рабочих; и эта дорога привела его на поприще революционера. В начале 1876 года он предоставил свою комнату для собраний⁷, а потом все больше и больше времени стало уходить на занятия предметами общественно-политическими и все меньше и меньше — на изучение горного дела.

Через несколько месяцев после отъезда Аксельрода Плеханов приютил у себя Льва Григорьевича Дейча, ставшего впоследствии его близким другом и соратником. Дейч, родившийся на юге России в 1855 году, был одним из самых дерзких и деятельных революционеров семидесятых годов. В Киеве, во время прохождения военной службы в начале 1870-х годов, он установил связь с бакунистами — сторонниками вооруженного восстания. Среди них были Яков Стефанович и Вера Засулич, с которыми у него сложились очень близкие отношения. После выполнения одного поручения, в результате которого был освобожден из тюрьмы арестованный товарищ, за Дейчем стала охотиться полиция. Затем он был схвачен, и ему грозил трибунал. В 1876 году Дейч сумел бежать и вместе со Стефановичем руководил так называемым Чигиринским делом. Был вновь арестован, бежал и впоследствии участвовал в покушении на *provokatora*.

Дейчу мы обязаны следующей характеристикой Плеханова в 1876 году, которая, кроме всего прочего, показывает глубокое влияние, оказанное военным воспитанием на личные привычки и внешность Плеханова:

«Своей внешностью и костюмом Плеханов,— в противоположность почти всем тогдашним революционерам,— нисколько не походил на „нигилиста“: он одевался чисто, аккуратно, но без претензий на франтовство; волосы на голове причесывал назад, небольшую темнорусую бородку своевременно подстригал; между тем как многие из нас тогда редко прибегали к ножницам и гребню, посему волосы наши находились в „живописном беспорядке“.

Манерами, приемами и обращением Плеханов также резко отличался от нас: он был вежлив, корректен, производил впечатление „благовоспитанного молодого человека“, ну, а наши „нигилистские замашки“ приобрели громкую, всемирную известность.

Припоминая теперь этого в описываемое мною время всего девятнадцатилетнего юношу и сравнивая его с тем Плехановым, каким он был в более пожилом возрасте, я не нахожу особенно большой разницы, как в его внешности, так и в манерах, приемах, характере: общий тип остался почти без изменения. До старости сохранился смугловатый цвет его лица, осталась военная осанка, и очень мало поседели его волосы.

Женщины находили его красивым; но, при вполне правильных чертах лица, в нем было нечто монгольское, что он сам объяснял татарским происхождением отдаленных его предков и на что, по его же словам, указывает фамилия: Пле-хан-ов.

У него было очень выразительное, умное лицо, сразу обращавшее на себя внимание. Особенно замечательны были его, казалось, пронцавшие собеседника насквозь темно-карие глаза, смотревшие то сурово из-под чрезвычайно густых бровей и длинных ресниц, то с иронической насмешкой»⁸.

Тогда, добавляет Дейч, Плеханов любил петь «Сердце красавицы склонно к измене».

1875—1876 учебный год был решающим в превращении Плеханова в революционера. Он понемногу втягивался в дело, из которого отступления не было; и, по мере увлечения революционной деятельностью, ослабевал его интерес к занятиям. Студент, получивший стипендию за выдающиеся успехи в конце первого курса, был отчислен за непосещение занятий после второго»⁹.

Летом 1876 года Плеханов отправился в деревню навестить мать и, как показали дальнейшие события, в последний раз. Все его речи и поведение свидетельствовали о начале новой жизни, что послужило поводом для ряда тяжелых сцен. Семья была расстроена, мать умоляла одуматься. Георгий попытался объяснить, что его решение было логическим следствием той приверженности истине и справедливости, которую она сама ему внушила. Обескураженная его ответом, она смогла только прошептать: «Но ты погибнешь». Не желая огорчать ее, но еще менее желая отступать, он возразил: «А что, если бы все так рассуждали?»¹⁰.

Возвращение Плеханова в Петербург осенью 1876 года и окончательный уход в революционное движение совпали с основанием «Земли и Воли» — организации, в которой ему суждено было занять ведущее положение. За несколько месяцев талантливый и энергичный новичок обратил на себя внимание студентов¹¹. Так, например, ему удалось сыграть видную роль в демонстрации на площади у Казанского собора, известном событии в истории российского революционного движения, которое сам Плеханов впоследствии описал с достоверностью участника¹².

Демонстрация была актом отчаяния группы революционеров, отвергнутых тем народом, что они поклялись защищать, и беспощадно подавленных мощной государственной машиной, против которой они оказались бессильны. Остатки революционных сил сумели пробраться из деревень в крупные города, особенно, в Санкт-Петербург, где такие лидеры, как Марк Натансон и Софья Перовская, снова их объединили под знаменами «Земли и Воли». Оставшиеся на свободе скорбели о судьбах сотен товарищей, томившихся в тюрьмах без суда и следствия, некоторые из заключенных умирали, не выдержав жестокого обращения. Потерпев неудачу в деревне, революционеры развернули пропаганду на фабриках. Вдохновленные примером организованной интеллигенцией весной прошлого года демонстрацией на похоронах студента, который, по слухам, был убит тюремщиками, группа рабочих предложила устроить собственную демонстрацию, обещая привлечь до двух тысяч человек. Растущие симпатии руководителей «Земли и Воли» к воинствующему бакунизму побудили их принять этот план. Демонстрация могла бы стать выражением протеста против обращения правительства с заключенными товарищами и средством возбуждения новых общественных выступлений.

Плеханов был одним из организаторов демонстрации и приложил все силы, чтобы обеспечить максимальную явку. Но по мере приближения дня демонстрации становилось ясно, что радужные обещания рабочих совершенно неосуществимы. Однако, боясь потерять репутацию и деморализовать движение, ее устроители решили не отступать. 6 декабря 1876 года толпа, в которой студентов было больше, чем рабочих, стала собираться у Казанского собора. Задержав на некоторое время начало митинга в надежде, что подойдут новые демонстранты (число присутствовавших, по разным оценкам, колеблется от 150 до 500), руководители все-таки решили действовать. Внезапно молодой человек, стоявший в центре толпы в углу открытого пространства

перед собором, взмахнул фуражкой и воскликнул: «Товарищи!» Шум затих, и толпа сомкнулась, чтобы лучше слышать. Оратор произнес стремительную, страстную и сбивчивую речь, напомнив собравшимся о Чернышевском, томившемся в заключении только за то, что желал народу добра, и о сотнях юных заключенных, страдающих за то же «преступление»¹³. Эти узники, мученики, стояли за крестьян, чье «освобождение» обернулось фарсом. Когда оратор умолк, молодой рабочий развернул красное знамя, на котором было начертано «Земля и Воля». Толпа откликнулась: «Да здравствует социалистическая революция! Да здравствует Земля и Воля!» При первых же звуках речи раздалась полицейские свистки, призывая на помощь ближайших дворников. И не успела закончиться речь, как жандармы стали хватать людей в толпе. Возникла давка, в которой одних прижали, других арестовали, оставшиеся разбежались. Плеханов был среди тех, кому удалось уйти, но теперь мосты были сожжены. Ибо он и был тем оратором на демонстрации у Казанского собора; так Плеханов отметил двадцать первый год своей жизни, навсегда поставив себя вне закона.

Вскоре после демонстрации Плеханов, ставший с тех пор объектом живейшего интереса в жандармских кругах, бежал за границу, где прожил до середины 1877 года. С ним уехала Наталья Александровна Смирнова, на которой он женился в октябре 1876 года. О Наталье Александровне известно мало. Она была родом из Орла, слушательница медицинских курсов, участвовала в революционном движении и, по-видимому, имела детей от прежнего брака. До женитьбы Плехановы жили в одной квартире вместе с еще одним студентом. Еще менее известно об их семейной жизни. Мы знаем только, что через два года они разошлись*.

За границей, за исключением краткой остановки в Париже, Плеханов жил в Берлине. Его мнение о социал-демократах столицы Германии заслуживает внимания, потому что оно характеризует его тогдашние убеждения¹⁴. Будучи бакунистом, Плеханов питал отвращение к властным структурам и верил в воинствующую оппозицию. С этим связано его горделивое отношение к социал-демократам: они показались ему приверженцами той самой «умеренности и аккуратности», которую многие русские приписывали немцам. С точки зрения баку-

* Однако официально брак был расторгнут лишь в 1908 году. Об обстоятельствах женитьбы Г. В. Плеханова см. подробнее в кн.: Ионов М. Т., Курбатова И. Н. Плеханов. М., 1977. С. 12—22.— Прим. ред.

ниста, мало можно ожидать от людей, настолько лишенных революционного духа, что они даже «присягают на верность императору».

Хотя и известно, что Плеханов прочел «Капитал» Маркса в 1875—1876 годах (он был переведен на русский язык в 1872 году), однако впечатление, произведенное немецкими марксистами, лишь укрепило его народнические взгляды. По иронии судьбы, всего несколько лет спустя, в начале своей марксистской карьеры, Плеханов и его соратники стали мишенью тех же упреков, какие ранее он адресовал немецким социал-демократам.

Пока Плеханов был за границей, «Земля и Воля» готовилась к выступлению. В движение влились новые силы, была намечена программа партии, составлен проект устава¹⁵. Новая организация находилась под сильным влиянием идей Бакунина, как в сфере организации и методов работы, так и в мировоззренческом плане. Устав обеспечивал функционирование строго централизованной, чрезвычайно «аконспирированной» организации, все действия которой направлялись «основным кружком», и в его руках сосредотачивались все нити движения. Этот координационный орган руководил отделениями, создаваемыми для выполнения задач партии: административная секция, занимавшаяся изготовлением поддельных документов; секции для ведения пропагандистской, агитационной и организационной работы среди интеллигенции, рабочих и крестьян; секция «дезорганизации», в функции которой входило освобождение заключенных в тюрьму товарищей, защита от «правительственного произвола» и казнь предателей.

«Земля и Воля» весьма преуспевала в решении намеченных практических задач, но это было далеко не массовое движение. Члены ее, в большинстве своем молодежь двадцати—тридцати лет, исчислялись не тысячами, а десятками. Тем не менее, организация могла рассчитывать на весьма внушительную поддержку. Кроме того, ее малочисленность частично компенсировалась внутренней дисциплиной и исключительной преданностью своему делу. Несколько десятилетий спустя Ленин во многом руководствовался моделью «Земли и Воли» при разработке концепции собственной партии. Конечно, небольшая численность организации ограничивала масштаб ее деятельности, однако кроме «основного кружка» в Петербурге у нее были группы сторонников в ряде других городов, периодически направлялись группы агитаторов в предполагаемые районы брожения.

Находясь в изгнании, Плеханов не мог участвовать в разработке программы и конституции, однако положение его было столь значи-

тельным, что он был избран в «основной кружок»¹⁶. И по возвращении в Россию в середине 1877 года он с головой ушел в работу. Его деятельность свидетельствует о том, что деление на секции вовсе не было абсолютным, ибо менее, чем за год он успел поработать с крестьянами, студентами, фабричными рабочими и даже казаками. При том, что Плеханов никогда не считался экспертом по «дезорганизации», нельзя сказать, что он был совершенно не знаком с делами такого рода. Именно в этот период Плеханов ходил с кастетом, учился пользоваться кинжалом и спал с револьвером под подушкой¹⁷. Его единственной профессией была революция; и тогда, и в течение ряда последующих лет, «Земля и Воля», которую финансировали несколько сочувствующих движению состоятельных людей, оплачивала его немногочисленные расходы.

На первое задание после возвращения из-за границы ему пришлось поехать в Саратов, в Поволжье, где в прошлом происходили народные волнения, а теперь революционеры создавали опорные пункты для работы среди крестьянства. В местных группах «Земли и Воли» разделение труда осуществлялось по принципам, указанным в уставе для всей организации. Однако Плеханов настоял на том, чтобы пойти работать учителем в сельской школе, — хотя в Саратове у него была возможность проявить свой талант агитатора среди рабочих и интеллигенции, — настолько популярным было стремление идти к крестьянам, настоящему народу. Его все еще разыскивала полиция, и, поскольку на местах не было возможности изготавливать документы, он взял бумаги Александра Михайлова, другого «поселенца», за которым пока не было слежки. Во время собеседования на заседании школьного совета в деревне, неподалеку от Саратова, он держался совершенно естественно. Увидев имя сына старого друга в представленных бумагах, священник засыпал Плеханова вопросами о семье Михайловых. Плеханов отвечал на все вопросы абсолютно спокойно, с полным самообладанием, какое ему не раз еще случалось проявлять впоследствии. Тем не менее, места ему получить не удалось и пришлось вернуться в Саратов. Все как будто нарочно складывалось таким образом, чтобы Плеханов общался с рабочими, а не с крестьянами; стоило ему отправиться «в народ», как этот «народ» оказывался городскими рабочими, и это сыграло немаловажную роль в его идейном развитии.

По возвращении в Саратов Плеханову удалось вовлечь в ряды «Земли и Воли» группу рабочих, находившихся под влиянием лавристов, и некоторых представителей интеллигенции¹⁸. По свидетельству

Аптекмана, члена революционной группы в Саратове, Плеханов тогда проявил свой литературный талант, в один присест, минут за двадцать—тридцать, сочинив «блестящую» программу. Осенью того же (1877) года полиция провела о делах «поселенцев» и устроила облаву на одной из явок. Немного позже Плеханов попал в засаду, устроенную на квартире арестованного товарища. По дороге в участок ему удалось незаметно избавиться от одной из двух пачек бумаг, что были при нем, но некий доброхот поднял ее и вручил владельцу. Ничего не заметив, жандармы оставили Плеханова в участке без надзора ровно настолько, чтобы тот успел окончательно избавиться от опасных улик. Было тихое воскресенье, жандарму наскучило сторожить Плеханова, и он отвел его домой, где произвел поверхностный обыск, а затем отпустил задержанного, попросив подписать обязательство явиться в полицию на другой день¹⁹. Плеханов с блеском сыграл свою роль в этом, похожем на комическую оперу, инциденте, предупредил обо всем других саратовских революционеров и бежал в Петербург.

С середины 1877 года началась активизация общественной жизни, что давало все основания полагать, что «русское общество начинает терять терпение» и «готово серьезно протестовать против произвола правительства»²⁰. В июле 1877 губернатор Санкт-Петербурга генерал Ф. Ф. Трепов приказал публично высечь политического подследственного Боголюбова за то, что тот не встал при появлении генерала во время обхода тюрьмы. На фоне слухов о фактах еще более жестокого обращения с заключенными этот изуверский акт вызвал возмущение в образованных слоях общества*, поддержанное и усиленное осенними процессами над молодыми народниками, многие из которых ожидали суда более трех лет. Их дерзкие речи на суде нашли сочувственный отклик в определенных кругах, которые затем втайне одобряли покушение на Трепова, совершенное Верой Засулич в январе 1878 года.

Засулич, впоследствии ближайшая соратница Плеханова, родилась в Смоленске в 1852 году. Дочь мелкопоместного дворянина, она училась в пансионе, но не желала становиться благопристойной юной особой и подражала нигилистам. Она почти не уделяла внимания своей внешности: ее небрежное платье и странности ее жизни впоследствии вошли в поговорку в кругу революционеров. От нигилизма оставался

* Русская карательная система в те дни была удивительно непоследовательной в отношении наказаний политических заключенных: в одних случаях — тираническая, изуверская, в других — сравнительно мягкая.

всего лишь один шаг до революционной борьбы, и Вера, всегда полная сочувствия к народу и личной ответственности перед ним, не могла ограничиваться пустыми разговорами и сделала этот шаг легко, будучи совсем молодой. В шестнадцать лет она уже участвовала в заговорщических операциях, связанных с печально знаменитым нечаевским кружком¹. В 1869 году она была арестована и последующие четыре года провела в тюрьме и ссылке. Вернувшись из ссылки, она связалась с «бунтарями», которые действовали вблизи Киева. В 1877 году она переехала в Петербург и, возмущенная жестокостью Трепова в отношении студента Боголюбова, сочла своим долгом отомстить за поруганное человеческое достоинство. Эта застенчивая, незаметная девушка нашла в себе мужество в одиночку подготовить и осуществить покушение на Трепова. После окончания процесса над народниками она вошла в кабинет Трепова и выстрелила в него — рана оказалась тяжелой, но не смертельной. После чего она сдалась жандармам.

Суд над ней состоялся в марте 1878 года. Присяжные признали ее невиновной; это публичное выражение недоверия правительству повторилось, когда толпа помешала полиции вновь арестовать Засулич, позволяя ей, таким образом, бежать за границу. Тогда же недовольство фабричных рабочих вылилось в стачки. А немного позже, на юге страны, взбунтовались донские казаки в знак протеста против новых правительственных постановлений, которые они рассматривали как посягательство на свои традиционные права. Для агитаторов эти признаки недовольства и готовности к действию казались предвестниками грядущего успеха движения. Эти столь вдохновляющие предзнаменования побуждали их к чрезвычайно активным действиям. Плеханов был в самой гуще событий, используя любую возможность для усиления нарождающегося духа противостояния. Его деятельность привела к столкновению с лавристами, которых Плеханов, за приверженность идее постепенной, глубокой подготовительной работы и растущие симпатии к немецкой социал-демократии, считал пародией на революционную партию. «Оратор», как называли Плеханова после Казанской демонстрации, увлекал слушателей своей страстной убежденностью и мастерской диалектикой. Как он умел свести позицию оппонен-

¹ Его организатором был Сергей Нечаев, фанатик-революционер, утверждавший, что цель оправдывает средства, и требовавший от своих последователей слепого повиновения. Очень сомнительно, что Засулич понимала максимализм Нечаева.

та к абсурду, видно из рассказа очевидца одного из его первых триумфов²¹.

Однажды, в ходе дебатов между лавристами и бакунистами на квартире одного студента, лавристы почти разгромили последних, но согласились продолжить спор через несколько дней. На втором заседании присутствующие студенты, казалось, готовы были признать превосходство позиции лавристов, которую один из ее толкователей убедительно противопоставил бакунистской: «Мы не менее вашего революционеры. Но революция вырастает естественно из всей совокупности социальных условий, а мы можем лишь подготовить сознательных участников в ней, сопротивляясь всяким попыткам бунта, восстания, мятежа... Восстание не революция, а только тормозит революцию. Неудавшийся мятеж, — а мятеж не может удалиться, должен не удалиться, — отбрасывает движение на целые годы, на десятки лет назад. Преждевременный бунт — преступление перед социализмом и перед народом... Кровь погибших борцов, страдания побежденных масс, продолжительное торжество реакции, — все это должно лечь на совесть тех, кто все время толкает людей на „постоянную революцию“, как выражается ваш Бакунин...» Такое направление атаки поставило бакунистов в тупик, они приуныли, начали перешептываться, встревоженно поглядывая в сторону соседней комнаты. Вдруг раздались восклицания: «Георгий! Георгий! Оратор! Как ты поздно! Говори, Георгий!» Тут в спор вмешался Плеханов и сразу бросился в атаку на лавристов: «Прошу собрание извинить меня, но я не мог раньше прийти... я только что явился по черному ходу с одной сходки, где я как раз занимался тем, в чем сторонники мирного процесса упрекают нас, бунтарей: толканием на „постоянную революцию“. Проще говоря, я советовал представителям студенчества организовать к произнесению приговора по процессу 193-х повсюду демонстрации в высших школах и, если можно, сговориться с вашими рабочими группами...

Я как раз пришел в то время, когда один из ваших ораторов чувствительно распространялся на тему, что он тоже, видите ли, революционер, но отнюдь не бунтарь, что он, конечно, всей душой за добрую, хорошую, благодетельную революцию, но всем умом и сердцем против дурного, гадкого, пагубного бунта... Я оценил его благородство чувств, но не мог последовать его приглашению возлюбить добродетель в лице революции и возненавидеть порок в образе бунта... Не мог потому, что мною овладело сомнение: имеется ли у оратора такое бюро изобретений, где начавшееся движение может получить патент

на правильную фабрикацию революции? Дайте мне такой патент, и я с вами! Но сможете ли вы заранее, при самом начале движения, сказать, что это вот — революция, а то вот — бунт?.. А что, если мы начнем делать скверный бунт, а из него станет выходить хорошая революция? Что же, без вашего патента мы не имеем права участвовать в стихийно разросшемся движении? Должны отказаться от всякого участия?.. Может быть, даже стать на сторону правительства и бороться с движением?.. А то вдруг, неровен час, из бунта вырастет беспатентная революция?.. А это ведь, создатель мой, так страшно...» Теперь пришли в замешательство лавристы, но затем один из них нашелся: «Это софизм, когда разразится настоящая революция, никто не будет спрашивать, революция ли это, или нет...» Тут Плеханов прервал его: «Извините, господа мирные революционеры! Это не так-то легко узнать по началу... С какого часа взятие Бастилии превратилось в Великую Французскую революцию? На какой день трехдневное июльское восстание 1830 года перестало быть восстанием и стало революцией, достойной упоминания в истории? А революция 1848 года? Может быть, по вашему мнению, нужно было бы и тогда остаться при либеральных банкетах, а не толкать рабочих на улицу?.. Да либеральная буржуазия так и хотела сделать... Буржуазный либерализм и теперь говорит вашими устами...» Аплодисменты бакунистов, ропот лавристов, протестующие выкрики: «Опять софизм... Мы не буржуа, а социалисты... Мы сейчас ответим вам...» Не давая лавристам возразить, Плеханов впечатал сжатую в кулак руку в ладонь и продолжал: «Вы — социалисты? Не знаю, может быть. Но христианские богословы-то вы уж во всяком случае. Те тоже верят в непорочное зачатие и бескровное рождение... Мы, революционеры, не верим в него, как не верим в мирный прогресс человечества, как не верим в революцию с дозволения начальства. Все великие исторические приобретения человечества брались им только с бою, добывались только кровью... А в вас, претендующих на ученость, нет ни малейшего понимания истории и никакейшего революционного чутья... Оттого молодежь и оставляет вас, как оставил вас даже ваш старый учитель... Вы — общество взаимного обожания и больше ничего... Оставайтесь при своем патенте на одобренную вами же мифическую бескровную революцию!..»

Эту историю Н. Русанов записал по памяти много лет спустя, но выглядит она вполне правдоподобно. Эти пассажи дают живейшее представление о первых шагах развития полемиического метода Плеханова. Мы видим, как он сразу переходит в нападение, полагая, что

хорошее нападение лучше самой хорошей обороны, вынуждая противника уступать одну позицию за другой, не давая ему собраться и перейти в наступление, подвергая его безжалостному обстрелу, пока не рухнут все линии обороны. Мы становимся свидетелями того, как этот уверенный в себе диалектик разоблачает несостоятельность доводов оппонентов, доводя их до логического завершения, подкрепляя и расцвечивая собственные доводы ссылками на историю и литературу; как он безжалостен в своем остроумии, не чурается и карикатуры, чтобы выставить противника в смешном свете; как вменяет ему в вину раболепие перед буржуазной идеологией; и как, в заключение, отрицает его компетентность в обсуждаемом вопросе. Эти методы сделали Плеханова серьезным соперником, однако они более подходили для всеобщей войны, нежели для привлечения на свою сторону последователей из другого лагеря, и впоследствии это обстоятельство не раз служило препятствием к достижению успеха Плехановым-политиком.

Цитированные выше отрывки заслуживают внимания и с другой точки зрения. Когда через несколько лет Плеханов перешел от бакунизма к марксизму, он, в сущности, воспринял идеологию, многие черты которой обличал в лавризме. В последующих дебатах с противниками марксизма он неоднократно отстаивал посылки, которые прежде подвергал осмеянию. Его собственная теория основывалась на доктрине революции как кульминации «естественного» развития общества в соответствии с законами исторического развития; как и лавристы до него, он предостерегал от революционного авантюризма, попыток преждевременного захвата власти, могущих лишь повредить народному делу. Позднее он сам разработает нечто вроде формулы для «правильной подготовки революции» и будет жестоко критиковать тех, кто осмелится предложить другую тактику. Спустя много лет после сражений с лавристами его самого противники клеймили как «буржуа», маскирующегося под социалиста. В данном случае, он превозносил революционную волю, которой впоследствии противопоставлял закономерный исторический процесс. Проблеме примирения воли с «естественным ходом» или законом предстояло занять основное место в той революционной системе, которой он придерживался большую часть своей жизни.

Бурные споры Плеханова с лавристами составляли лишь одну сторону его революционной деятельности. В декабре 1877 года он занимался также агитацией среди студентов в связи с процессом 193-х и выступал от имени радикально настроенной молодежи на похоронах

поэта Некрасова²². В процессии, провожавшей гроб с телом Некрасова к месту его последнего успокоения, оказалась большая группа членов «Земли и Воли». Центральная группа несла венок с надписью «От социалистов», ее окружало кольцо товарищей, вооруженных револьверами на случай вмешательства полиции. Когда процессия прибыла на место, Достоевский, уже известный писатель, которому тогда исполнилось 56 лет, и Плеханов — радикально настроенный юноша 21 года, произнесли надгробные речи. Достоевский не очень любил Некрасова, но, понимая важность момента, поставил покойного поэта в один ряд с Пушкиным. Плеханов, выражая настроения молодого поколения, воспитанного на утилитарных взглядах радикального критика Писарева, принизил значение Пушкина по сравнению с Некрасовым. Не совсем уместно прозвучали на кладбище, в окружении вооруженной охраны, слова Плеханова о превосходстве поэзии Некрасова над пушкинской, которая, по его мнению, «ограничивалась воспеванием ножек балерин», в то время как Некрасов привнес в поэзию гражданский пафос.

За несколько дней тот же неутомимый агитатор участвовал в организации демонстрации рабочих на Петербургском Патронном заводе, где при взрыве погибло несколько рабочих. Он был автором распространенной на заводе зажигательной листовки; а в день похорон вместе с другими членами «Земли и Воли» участвовал в похоронной процессии. Когда гроб был опущен в землю, один из рабочих, вдохновленный плехановской листовкой, произнес пламенную речь против «хозяев». Полицейских было так мало, что при попытке вмешательства толпа окружила и захватила их²³.

Листовка, которую Плеханов написал для этой демонстрации — самый ранний дошедший до нас образец его литературных трудов²⁴. Она типична для методов агитации народников-бакунистов, опьяненных бунтарским духом: Плеханов упрекает рабочих в покорности эксплуатации и провокациям; объясняет взрыв халатностью фабричного начальства, которое затем, в порыве ханжеского милосердия, выплатило семьям погибших жалкие гроши в виде компенсации. «Высшее начальство тоже ни в грош не ставит ваших интересов: для него жизнь рабочего дешевле жизни собаки». И заканчивает на высокой ноте: «Рабочие! Пора вам самим взяться за ум: помощи ждать вам не от кого! Не дожидетесь вы ее от начальства!.. Долго терпели и вы и дождались того, что вас жгут живьем и пускают по миру ваши семьи! Долго ли еще будешь терпеть ты, рабочий народ!?»

В подобном тоне написаны многие плехановские прокламации 1878 года: обращение к рабочим петербургских заводов с призывом оказать помощь бастующим Новой Бумагопрядильни; восторженная ода в адрес российского общества, оправдавшего Веру Засулич и помешавшего ее повторному аресту; разоблачение указа правительства, который запрещал рассмотрение политических дел судом присяжных; призыв к казакам «Что добыли кровью леды, не должны отдавать без бою внуки»; декларация поддержки и ободрения студентам-демонстрантам, которые в конце 1878 года подверглись избиениям и арестам, но мужественно сопротивлялись; и открытое письмо министру юстиции, где он уподобил обращение с заключенными студентами зверствам турецких башибузуков в Болгарии²⁵. Такими обращениями отмечены различные события 1878 года, в разъяснении значения которых участвовал Плеханов. Их можно также считать предвестниками новой газеты, которую «Земля и Воля» начала издавать в конце того же года, и где Плеханов был одним из трех редакторов.

Весной 1878 года, в соответствии с уставом «Земли и Воли», следовало пересмотреть конституцию и программу организации, и, при необходимости, внести некоторые поправки. По настоянию Александра Михайлова, одного из самых верных и строгих руководителей, была проведена дальнейшая централизация общества — и отныне, как следовало из нового положения, во всем «личность подчиняется решению организации». Плеханову была поручена разработка окончательного варианта партийной программы, которая до тех пор существовала только в виде проекта. Задача не требовала введения новых понятий — руководители организации были непоколебимы в своей приверженности старым — достаточно было внести ряд поправок и придать ей законченный вид²⁶.

Тогда же возобновилась агитационная работа среди рабочих, поглощавшая, как и до Казанской демонстрации, а затем, в Саратове и Петербурге, в связи с инцидентом на Патронном заводе, все внимание Плеханова. В марте 1878 года Плеханов серьезно занимался забастовкой на Новой Бумагопрядильне²⁷. Когда фабричное начальство урезало заработную плату и ввело ряд новых суровых правил, забастовала вся двухтысячная фабрика. Стачка частично была вызвана агитацией небольшого кружка фабричных рабочих, связанных с «Землей и Волей», и к ним на помощь мгновенно бросились ее постоянные члены во главе с Плехановым. Они участвовали в массовых митингах, помогали советами по части тактики и собирали деньги в поддержку борь-

бы рабочих с начальством. По свидетельству друга Плеханова, он произвел на рабочих столь сильное впечатление своим мужеством, умом и энергией, что они стали называть его «Орлом». Как вспоминал сам Плеханов, так рабочие называли всех действующих с ними революционеров-непролетариев²⁸.

Забастовка была очень ценным опытом как для Плеханова и его соратников, так и для фабричных рабочих. Плеханову она открыла всю наивность рабочих: с истинно крестьянской простотой они верили, что царь им друг, что обращение к властям обязательно все поставит на свои места. Таким образом, Плеханов с товарищами оказались в очень неловком положении — им пришлось составлять петицию рабочих наследнику престола от имени рабочих, что, как выразился Плеханов, было все равно, что просить Сатану помолиться Богу. Однако они взялись за дело, полагая, что иначе иллюзии рабочих не разрушить. Расчет сработал блестяще — наследник не только проигнорировал петицию, но против забастовщиков были посланы жандармы и казаки. Стачка закончилась через две недели, рабочие добились некоторых уступок.

Во время стачки произошел инцидент, вполне способный привести революционную карьеру Плеханова к безвременному концу²⁹. Уже на исходе стачки полиция было приказано задерживать всех подозрительных вблизи фабрики, и однажды Плеханова арестовали просто во время прогулки по окрестностям. К счастью, у него были при себе фальшивые документы, по которым он числился сыном одного почетного гражданина. Отсутствие компрометирующих сведений, приличное платье и поведение убедили полицию в его безвредности и через день его отпустили. Это было не последнее его удачное избавление. Несколько месяцев спустя вспыхнули антиправительственные беспорядки среди донских казаков, и Плеханов с несколькими членами «Земли и Воли» поспешил на место действия. Он нашел положение благоприятным для агитации и послал в Петербург за помощью. Но, прежде чем отправленный туда Михайлов вновь появился на Дону, Плеханов сам поехал в столицу, чтобы ускорить печатание воззвания, которое он составил в сотрудничестве с мятежными казаками. Он прибыл в Петербург спустя несколько дней после того, как целая группа опытных и надежных членов «основного кружка» попала в полицейскую облаву, и о чем Плеханов не имел ни малейшего представления. По счастливой случайности, по дороге с железнодорожной станции на партийную «явку», где засада ждала как раз такую птицу, как он, Пле-

ханов встретил одного из спасшихся во время прошлой облавы, который и предупредил его о происшедшем³⁰.

Произведенные полицией аресты были столь разрушительны, что агитацию на Дону пришлось отложить и заняться восстановлением организации, чтобы добиться хотя бы подобия ее былой работоспособности. Плеханов и Михайлов взялись за перестройку организации. Их старания увенчались успехом. И столь значительным, что уже через несколько месяцев удалось начать выпуск ежемесячной газеты. И снова расстроились надежды Плеханова на отъезд из города и работу в народ. Вновь брошенный судьбой в городскую среду, он вступил в длительный период агитационной работы среди рабочих, прерываемый лишь литературными обязанностями в качестве соредактора «Земли и Воли».

В последние месяцы 1878, и особенно в первые месяцы 1879 года, в Петербурге прокатилась волна рабочих беспорядков³¹. Новые волнения, безусловно, были связаны с прошлогодними, ибо одним из первых действий забастовщиков на текстильной фабрике Кенига в конце ноября 1878 года было обращение за помощью к «студентам». В январе 1879 года снова забастовали рабочие Новой Бумагопрядильни, к ним сразу присоединилась соседняя — английская прядильная фабрика Шау. В результате «рабочая секция» «Земли и Воли» во главе с Плехановым участвовала в составлении требований фабричному начальству и в дальнейшем распространении рабочих волнений в столице. Плеханов составил воззвание с рассказом о происходящих стачках и призывом оказать бастующим денежную помощь, которое раздавал у ворот многих городских фабрик. Эта помощь была оказана, акции протеста перекинулись на другие заводы, и рабочие некоторых из них предъявили требования собственному начальству. На ряде предприятий хозяева пошли на уступки прежде, чем забастовки были подавлены, как и раньше, арестами и полицейским насилием. Но, по мере того, как росла пропасть между рабочими с одной стороны, и хозяевами и полицией — с другой, рабочие сплачивались все теснее и, что еще более существенно, сближались с революционерами.

Одновременно не меньшее удовлетворение испытал Плеханов от написанных им первых официальных статей. Среди этих работ (все, за исключением одной, были напечатаны в партийной газете) — серия репортажей об агитационной работе, созданных на основе собственного опыта, и чрезвычайно интересный теоретический очерк с глубоким

анализом программы «Земли и Воли»^{*}. В декабре 1878 года в журнале «Неделя», по инициативе одного из издателей, И. И. Каблица, сочувствовавшего народникам, была напечатана еще одна статья Плеханова³². В этой небольшой по объему работе Плеханов выступает в защиту концепций народников от того, что он назвал наветами литератора Глеба Ивановича Успенского, известного автора рассказов о крестьянской жизни.

Однако эта многообещающая агитационная и литературная деятельность вскоре оказалась в серьезной опасности. В партии назревал кризис, разразившийся весной 1879 года. В несколько недель весь мир Плеханова рухнул. Кульминацией кризиса стал разрыв Плеханова с товарищами-землеводцами и уход из газеты. Он оказался в таком одиночестве, что серьезно задумывался о том, чтобы оставить революционное поприще и вернуться к науке.

---

^{*} Плеханов Г. В. Закон экономического развития общества и задачи социализма в России // *Земля и Воля*. 1878. № 3. (Плеханов Г. В. Соч. Т. 1. С. 56—74). — Прим. ред.